

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА О ПОМЕЩИЧЬЕЙ ДОБРОДЕТЕЛИ В 50 – 90-Е ГГ. XIX ВЕКА*

В.А. ШАПОВАЛОВ
С.П. ШАПОВАЛОВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

В работе делается попытка выявить, классифицировать и проследить эволюцию представлений крестьян о помещичьих добродетелях, которые на протяжении дореформенного и пореформенного периодов трансформировались. Это позволит выявить социально-психологические взаимосвязи барина и крестьян в контексте представлений последних о социальной природе добра и зла.

Ключевые слова: помещик, крестьяне, представления, добродетель, социальная психология.

Проблема социально-психологической трансформации русского крестьянства в предреформенный и пореформенный периоды, в плане эволюции представлений о желаемых помещичьих добродетелях, до последнего времени не стала объектом специального исследования. Отсюда возникает проблема при социально – психологическом синтезировании крайне полярных крестьянских воззрений на помещичью вотчинную власть, степень и характер распоряжения «крещеной собственностью». Нередко в рамках одного и того же уезда, в одно и тоже время происходили крестьянские волнения, вызванные помещичьим произволом, с другой стороны, по отдельным имениям известны факты, когда крестьяне, привыкшие заключать брачные союзы с разрешения своих помещиков, выказывали недовольство, когда помещики разрешали любовные союзы, а в отдельных случаях и поощряли это. Выработалась «привычка» и к телесным наказаниям настолько, что в ряде примеров неупотребления розог при допросах считалось знаком исключительно дурного отношения помещиков или их поверенных к тому или другому обвиняемому в чем-либо крестьянину¹.

Однозначного ответа в данном аспекте на природу крестьянского недовольства реальным помещичьим произволом и помещичьих добродетелях, вызывавших отрицательные эмоции у крестьян дать весьма трудно. Здесь необходимо выяснить, что ассоциировалось в крестьянском сознании под помещичьей добродетелью, а она, естественно, отличалась в зависимости от страты помещика, его личных качеств, форм эксплуатации в имении, социальных ожиданий крестьян и т.д.

В дореформенный период у подавляющей части частновладельческих крестьян осознание их личной зависимости от помещика находилось в рамках традиционалистской ментальности, чему даже приводилась религиозная доказательная база. Примечательно, что эти убеждения у части бывших крепостных крестьян остались и в пореформенный период. Так, крупный помещик, видный деятель казанского земства Н.А. Мельников в своих мемуарах описывает примечательный разговор со старым бывшим крепостным своего деда Фомой Ивановичем, служившим на момент беседы полевым приказчиком: «Вспоминая какие-то эпизоды из далекого прошлого, он старался остановить мое внимание на том, каким умелым, добрым хозяином был мой дед, и как сердечно и справедливо он относился ко всем своим «подданным». Это вызвало с моей стороны некоторые вопросы о бывших отношениях между господами и их крепостными людьми. Я высказал недоумение по поводу того, как это было

* Работа выполнена при поддержке ФЦП " Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы", Государственный контракт № 16.740.11.0545 от 23.05.2011 г.

¹ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. III. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.). М., 1993. С. 438; Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М., – Белгород, 2002. С. 129.

возможно, чтобы один человек безраздельно владел другим, и доказывал, что такое владение протivoестественно и безнравственно. «Нет, соколик, не так все это», – ответил Фома Иванович. «Верно ты сказал, что Господь сотворил человека свободным, да только не та эта свобода про которую на бумаге печатают, да на перекрестках кричат. Настоящая свобода Адаму праотцу была дана. Не оправдал он Божьего дара, ослушался Господа. С тех пор только на небе свобода осталась, и мы узнаем ее на том свете. На земле же все рабы либо друг другу, либо самим себе. Я, примерно, дедушке твоего был раб, он – царским рабом, царь трону своему раб, а все мы вместе рабы перед Господом Богом. И позора в рабстве я не вижу никакого. А что господа разные были, и много было таких, что и били своих людей, и женили против воли, и на собак меняли, это точно. Ну, спрошу я, а куда они делись, дурные-то, люди после манифестов-то. Все с нами, и ни колом, так рублем, а дойдут и закабалят слабого да бедного. Земными, людскими законами лихому человеку, все равно настоящего понятия не дать, если он Божьего закона не разумеет»². «Философия» Фомы Ивановича признает и оправдывает институт крепостничества, как определенный исторический этап крестьянской жизни, главное для него наличие и характер барских добродетелей. Именно от них, с его точки зрения, зависела судьба помещичьих крестьян.

Подобная точка зрения, имевшая широкое распространение в крестьянской среде, находит подтверждение в народных пословицах и поговорках, что являлось отражением глубоко укоренившейся традиции в системе взаимоотношений помещиков и их крепостных крестьян. В частности, «мужик – этот крепко в землю вращен, земля ему и мать, и отец, а барин земле не сроден. Кому, что определено – поп крестом, цыган кнутом, мужик горбом, а барин языком», «Барская просьба – строгий приказ», «Господин, что плотник, что захочет, то и вырубит», «Панская воля – наша доля», «С грошами пан и без грошей пан: все пан»³.

Традиция всегда имеет коллективную природу. Коллективный характер, в свою очередь, способствует сплочению отдельных звеньев любой социальной общности⁴. В отношении крепостного крестьянства традиции, с одной стороны, способствовали возникновению и устойчивому функционированию определенных норм поведения в границах поместной усадьбы, с другой стороны, они давали каждому отдельному частновладельческому крестьянину ощущение оправданности и целесообразности существующих норм подчинения помещичьей власти. Традиционализм одним из источников функционирования всегда имеет коллективную память. Отсюда, через определенный социально-психологический механизм в крестьянской среде наследовались прошлые нормы поведения, вернее, подчинения, ценности и правила, которые сохранялись, интегрировались и передавались при помощи различных социальных и государственных институтов. В частности, по закону 1845 г. возмущение крепостных и дворовых против их помещика и даже управляющего приравнивалось к восстанию против верховной власти, а жалоба на помещика каралась наказанием розгами до 50 ударов⁵.

В любой сословной общности, каковой являлось и крепостное крестьянство, всегда присутствовали проявления социального девиантного поведения, выходящего за рамки установленные традицией. В основном, это были различные проявления форм протеста против, как казалось крестьянам, нехристианского отношения к ним, нарушения традиционно установившихся форм эксплуатации и личного пространства крепостного. Так, несмотря на запрет жаловаться крепостным крестьянам на помещиков, «до министерства внутренних дел, а нередко до государя, доходило извест-

² Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). Йошкар-Ола, 2008. С. 28-29.

³ К воле. Крепостное право в народной поэзии / сост. Н.Л. Бродский. М., 1911. С. 155-157; Львов Г.Е., кн. Воспоминания. М., 2002. С. 74-75.

⁴ Шкурагов В.А. Историческая психология. М., 1997. С. 116-119.

⁵ Князьков С.А. Быт крепостных крестьян перед освобождением // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., 1911. С. 185.

ное количество таких жалоб... В 1836-1839 и 1841 гг. были жалобы помещичьих крестьян и на имя государя, и в министерство внутренних дел: важнейшее из них, в 1836 и 1839 гг., были от жителей владельческих городов и местечек и заключали в себе указания на разные притеснения и обременение излишними сборами⁶. Крайним проявлением социального протеста крестьян было убийство или покушение на убийство помещика. Но такие случаи были крайне редки, например, по России в 1846 г. – 12, в 1847 г. – 11, в 1850 г. – 9 фактов⁷.

Причиной крестьянских волнений в помещичьей вотчине, в подавляющем большинстве случаев, были хозяйственные притеснения, чрезмерное вмешательство в личную жизнь. В секретных отчетах МВД о «Случаях неповиновения крестьян помещикам или установленным властям с октября 1852 г. по 1 января 1854 г.» по частновладельческой деревне указывалось, что из 27 волнений, только 4 были связаны со стремлением к личной свободе⁸. Таким образом, большая часть активных социальных протестов была опосредована тем, что помещик, по убеждениям крестьян, переходил установленные традицией свои права по отношению к ним и не проявил отеческих добродетелей. Естественно, это не касалось конца 1850-х гг., когда в обществе открыто обсуждалась проблема отмены крепостного права и в крестьянской среде личное освобождение стало доминантным социальным ожиданием.

Повседневные реалии крепостных крестьян, интенсивность их эксплуатации, жизненный уровень, отчасти и социально-психологические воззрения, во многом зависели от страты, к которой принадлежал помещик. В крупных имениях, которых у представителей верхних страт поместного дворянства, как правило, было не одно, хозяева были редкими наездами в них в летнее время. И их нечастые встречи с собственными крестьянами, отрежисированные управляющим, напоминали выезд монарха к подданным, с обязательными дарами «народу». Граф М. Д. Бутурлин, в своих мемуарах, описывает один из таких приездов: «Угощение крестьян – и взрослых, и малых – входило также в программу белкинского нашего летнего житья, и скажу без хвастовства, что память о нас, прежних тамошних владельцев, сохранилась, как я еще недавно мог удостовериться, до третьего поколения между белкинскими крестьянами. Да, вельможи былого времени, подобные моим родителям, были люди сердобольные, щедрые и не без оттенка либерализма в сношениях со своими крестьянами. Лошадка ли, коровушка ли пала, мужичек и баба вертятся около господского крыльца: авось улучат случай увидеть барина и барыню; а увидят их и расскажут о своем горе – отказа никогда не было в пособии для покупки нужной скотинки... крестьяне любили даже заочных своих господ – вельмож и сваливали все притеснения на управляющих... Чтобы приобрести привязанность мужика, достаточно владеть отрицательными только качествами: не оказывая ему никаких особых благодеяний и ограничиваясь непритеснением его понапрасну, услышишь о себе отзыв: «Отец он родной, и курицы не обидит»⁹. Бутурлин подчеркивает те помещичьи добродетели, которые ценились в крестьянской среде – щедрость на подарки, угощения, помощь пострадавшим, отсутствие чрезмерной опеки, но все это находилось в рамках жесткой вотчинной регламентации, установленной управляющим.

В крестьянской памяти помещичьи добродетели более закреплялись, если они имели не эпизодический, а постоянный характер. В беседе рязанского помещика В.В. Селиванова о своих предках с 97-летним крепостным крестьянином Федосеевичем, старик, вспоминая прадедушку помещика, особо выделил его следующие добродетели: «К столу господину особо варили окорок ветчины для подачек. Как только господа сядут за стол, так в залу и набегут все дворовые ребяташки, босиком, в ру-

⁶ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. II Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб., 1888, С. 572.

⁷ Материалы для истории крепостного права в России. Извлечение из секретных отчетов министерства внутренних дел за 1836-1856 гг. М., 2010. С. 129, 182.

⁸ Там же. С. 224-227.

⁹ Записки графа М.Д. Бутурлина. В 2 Т. Т. 1. М., 2006. С. 66.

башках, подчас в грязи, и станут около стенки, всякий с чашечкой. Когда покушают, примером, горячее, прадедушка ваш и закричит дворецкому: «Дай им, братец, подачки!» Вот и дворецкий нарежет ломтиками хлеба, положит на них по ломтику ветчины, да так и наделит всех. А как, бывало, прадедушка начнет собираться ехать в С...во!.. Вот, государь мой, иной раз целую неделю в дороге. Проедет верст 10 или 15, увидит, примером, прадедушка ваш рощицу, лужок там какой, понравится место – стой! Разобьет палатку, экипажи в кружок, повар застряпню – гуляй! Да иной раз и переднем тут день или другой»¹⁰.

Старческая память из всего событийного ряда времен прадеда В.В. Селиванова, с небольшой ремаркой о его строгости, выделяет доброту к детям, сытное и веселое времяпровождение дворовых и крестьян, сопровождавших помещика в его путешествиях между имениями. При этом, поражает детализация воспоминаний, учитывающая возраст рассказчика, что подтверждает особое значение для него таких помещичьих добродетелей. И это не удивительно, в условиях дефицита продуктов питания в крепостной среде, особенно мясных, систематические «подачки» и угощение крестьян сытной и качественной пищей помещиками, надолго наделяли владельцев «крещеной собственностью» в крестьянском сознании качествами щедрого и доброго хозяина.

В ряде случаев, когда барская добродетель распространялась на какого-нибудь из дворовых или, наиболее близко находившихся к господам, и выражавшихся в получении вольной, определенной недвижимости, то это не всегда вызывало у благодетельственного лица чувства социального удовлетворения. При этом, как правило, у остальной части крепостных поместья данная барская милость вызывала острую зависть к «вольной особе», перераставшую в открытую неприязнь. А.А. Потехин в романе «Бедные дворяне», вышедшем в 1861 г., показывает душевные смятения вольноотпущенницы Прасковьи Федоровны: «Прасковья Федоровна ... была вольноотпущенная от помещицы деревни Мешкова, ее бывшая фаворитка, горничная, потом доверенная ключница и наперсница. Несколько времени назад, барыня отпустила ее на вольную, за ее продолжительную и верную службу, и отпустила не кое-как, не с пустыми руками: своим барщинным мужикам приказала она срубить для нее, даром, бесплатно, избушку, на, я вам которую пожаловала тридцать бревешек из собственных дач; дочери дала из своего гардероба два поношенных ситцевых и одно почти новенькое шерстяное платье...

Прасковья Федоровна даже сначала огорчилась и несколько обиделась, когда барыня объявила ей, что намерена дать ей вольную.

– Чтой-то матушка, не угодна, что ли, я вам стала? говорила она со слезами на глазах.

– Нет, Параня, ты мне угодна, – я твоей службой довольна, – за то тебя и хочу наградить...

И Прасковья Федоровна приняла вольную только ради дочери»¹¹.

Устоявшиеся, относительно комфортные жизненные реалии приближенных дворовых, реже крестьян, их почти дружеские отношения с господами создавали чувство уверенности в завтрашнем дне, что верная служба будет вознаграждена чередой барских милостей. Выработанная, в таких условиях, ментальность отталкивала саму идею о вольной, самостоятельной жизни без привычного патронажа. К тому же, дворовые, в своей основе, не имели навыков систематического физического труда, а это могло их ожидать при получении свободы и ухода на «вольные хлеба».

Особо ценились крепостными крестьянами в вотчинных распорядках четкие рамки установленных повинностей, право на отдых в праздники, заранее оговоренная регламентация физических наказаний. То есть, определенные правила, имеющие

¹⁰ Селиванов В.В. Год русского земледельца. Зарайский уезд, Рязанской губернии // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 64.

¹¹ Потехин А.А. Сочинения. Т. IV. Бедные дворяне. СПб., 1896. С. 5-7.

постоянный характер, которыми руководствовались крестьяне и дворяне в процессе своей жизнедеятельности в дворянском поместье. Бывший крепостной И.М. Кабештов, вспоминая доброту своих господ Волконских, особо отмечал: «... Волконские, всегда добрыми и даже гуманными со своими крепостными крестьянами. По их распоряжению крестьяне обязаны были на барщине работать не более трех дней в неделю; воскресные и праздничные работы безусловно воспрещались; Пасха праздновалась целую неделю. Кандидатов в бурмистры выбирали сами крестьяне, управляющий только утверждал одного из кандидатов; управляющие могли наказывать крестьян только по доказанной вине, не более 25 ударами розог; одно лицо могло быть наказано два раза по 25 ударов, при третьей вине наказание усиливалось до 50 ударов, всякое наказание записывалось в особый журнал и об нем должно было донесено с описанием вины в главную петербургскую кантору. Оттуда уже ожидали распоряжения, как поступить с виновным. Большею частью таких виновных высылали в другие имения, а иногда, смотря по вине, отдавали в солдаты»¹². Кабештов подчеркивает, предсказуемость характера наказаний увязывалась с «добротой и гуманностью» своих хозяев.

Крестьянская сметливость, тяжелый жизненный опыт помогали относительно быстро распознать характер своего барина и если он был неопытен в хозяйских вопросах, мягок характером, то крепостные использовали эти хозяйские «добродетели» в свою пользу. Граф М.Д. Бутурлин, через многие годы, взявшись за мемуары, с сожалением рассказывал о своем «либерализме» к собственным крестьянам: «Крестьяне меня полюбили (как меня уверяли в том мои приближенные и насколько я сам мог заметить), тогда, как немного позже новый мой сосед Г. Шульц заплатил жизнью зато только, что вводил у себя новые порядки, допускаемые законом. Верю замечанию Н.А. Дивова, что крестьянин наш во время крепостного права много переносил и прощал русскому коренному помещику, чего не стерпел бы от немца-помещика. Надо, впрочем, и то сказать, что я распустил свою вотчину, не только мирволя пьянству, но и прощая оброчные недоимки, слагая зря платежные тягла, отсрочивая иным срочные платежи, – словом завел такую кутерьму в управлении, что сбил с толку И.И. Грекова»¹³.

Удовлетворение помещиком физиологических потребностей крестьян в пище, одежде, крове, если крепостные не чувствовали к себе христианского отношения, не всегда рассматривалось в качестве барской доброты и заботы. Так, барон Н.Е. Врангель повествуя о своем отце Егоре Ермолаевиче, классическом крепостнике, с досадой указывал почему крепостные крестьяне не видели в нем своего благодетеля: «Крестьяне его жили богато, процветали, а дворовые были хорошо одеты, хорошо обуты и сыто накормлены... Но попечение его о счастье рода людского имели объектом только физического человека. Как и большинство его современников, он смотрел на людей исключительно как на существа только телесные. О том, что у человека, помимо его тела, есть и душа, он не догадывался, а если и подозревал, то, вероятно, смотрел на это как на «дурь», на «блажь», на «фанаберию», как что-то запретное и вредное, чему потакать не следует и с чем нужно бороться. Но вернее всего, что он над «такими пустяками» не задумывался»¹⁴.

В редких воспоминаниях крепостных крестьян особо подчеркивалось такое качество помещика, как желание и умение говорить «по душам» с представителями «своего народа». Например, И.М. Кабештов, описывая привычки и распорядок дня саратовского помещика П.А. Чихачева, акцентировал внимание читателя: «По отношению к приходящим к нему крестьян или крестьянок, если он был в хорошем рас-

¹² Кабештов И.М. Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М., 2006. С. 453.

¹³ Записки графа М.Д. Бутурлина. Т. 1. С. 332.

¹⁴ Барон Н.Е. Врангель. Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006. С.31.

положении духа и имел свободное время, то говорил с ними по целым часам: узнавал всю их жизнь, и даже жизнь соседей и других крестьян, так что ему была известна хозяйственная и семейная жизнь почти каждого крестьянского дома. Разные основательные просьбы о вспомоществовании хлебом, деньгами, лесом для постройки домов почти всегда удовлетворялись. Так что, если бы не строгие, переходящие иногда в жестокие наказания, то по отношению крестьянам он мог быть назван строгим, но справедливым отцом. Между его крестьянами не было бедных, и никто не имел права просить милостыню»¹⁵. В данном сюжете, за исключением упоминания практики жестоких наказаний, нарисована картина духовной и материальной заботы помещика над своими крепостными крестьянами.

Представления крестьян о заботе и «милостивом» характере своего помещика преломлялись через призму собственных представлений о добре и зле, христианской любви к ближнему, человечности. Такие представления в корне расходились с аналогичными критериями в помещичьей среде, которая была антимиром в социокультурном аспекте крепостному крестьянству. Отсюда, непринужденная беседа барина со своим крепостным воспринималась в крестьянском сознании как попытка наведения определенных социопсихологических мостов, понять их мир, душу, стать ближе к ним, что не могло не вызывать у крестьян морального удовлетворения.

Необходимо отметить, что в какой-то мере, помещичьи добродетели были опосредованы страхом за собственную жизнь и недвижимость. И.И. Игнатович отмечал: «Некоторые помещики, действительно, старались помогать своим крестьянам. Были такие, говорит Заблоцкий-Десятовский, «которые из последних сил кормили крестьян, хотя, может быть, понуждаясь к тому скорее расчетом, нежели филантропией... Многие делали это из страха, ибо были случаи, что мужики грозно подступали к помещикам, требуя прокормления»¹⁶. Историк крепостного права в Рязанской губернии А.Д. Повалишин, в связи с этим, писал: «Случаи совершения крепостными покушений на жизнь помещиков настолько были нередки, что они должны были поселять в помещиках опасение за свою жизнь», добавляя «опасения, иногда ничем не оправданные»¹⁷.

У крепостных крестьян мелкопоместных дворян понятия о помещичьих добродетелях были отличны от аналогичных представлений в имениях верхних страт поместных владельцев. Главная причина данной социопсихологической специфики состояла в том, что в рамках мизерного поместья, иногда в несколько десятин, у крепостного крестьянина, фактически, не было личного пространства и вся его жизнь протекала на глазах помещика. Тонкий знаток поместной психологии, автор знаменитого цикла «Оскуднение», С.Н. Терпигорев (С. Атава), применительно крепостных мелких помещиков, отмечал: «...отношения мелких к своим крепостным были положительно невозможные. Надо вообще принять за аксиому, что чем мельче был помещик, тем хуже и тяжелее жилось его мужикам... близость мелкого помещика к домашнему обиходу мужика была для этого последнего тем невыносима, что он у него был весь на виду: он от него ничего не мог уберечь и схоронить. Каждая овца, каждая курица была известна барину и дразнила его аппетит. Я уж не говорю, что за ад представляла эта близость в том еще отношении, что давала полную возможность барину мешаться в дразги семейного мужицкого быта»¹⁸.

Межличностные отношения между мелким помещиком и крепостным крестьянином также носили иной характер, чем в крупных поместьях. Чрезмерная узость личного пространства способствовала обыденному привыканию друг к другу, нередко полемика принимала агрессивный тон с обеих сторон. В мелком поместье

¹⁵ Кабештов И.М. Указ. соч. С. 550.

¹⁶ Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910. С. 7.

¹⁷ Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Очерки истории крепостного права в Рязанской губернии. Рязань, 1903. С. 291.

¹⁸ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Собрание сочинений. Т.1.Ч.1. СПб., 1899. С. 311.

крепостной пользовался тем, что у барина, в нередких случаях, была одна-две рабочие души и в случае их увечья, болезни помещик оставался без рабочих рук. Здесь необходимо учитывать, что низкий культурный и образовательный уровень мелких помещиков в повседневных реалиях во многом сближал их ментальность с крестьянским сознанием. Этому способствовало и полунигищенское существование низших подгрупп (до 10 дес. или владение 1-2 ревизскими душами) мелкопоместного дворянства, где «громздное большинство их объезжало богатых соседей, выпрашивая «сенса и овсеца»¹⁹. Е.Н. Водовозова в своих мемуарах, на примере соседки – мелкой помещицы Макриной Емельяновны Прокофьевой и ее двух крепостных, показывает подобные взаимоотношения: «В хозяйстве Макриной ... более всего чувствовался недостаток в рабочих руках. У нее всего-навсего было двое крепостных – муж и жена, уже не молодые и бездетные: Терентий, которого звали Терешкой, и Евфимия – Фишка...

Будучи совсем необразованною, даже малограмотною, Макрина была преисполнена дворянскою спесью, барством и гонором, столь свойственными мелкопоместным дворянам...

Они (крепостные – В.Ш.) совсем не боялись своей помещицы, ни в грош не ставили ее, за глаза называли ее «чертовой куклой», а при обращении с нею грубили ей на каждом шагу, иначе не разговаривая, как в грубовато-фамильярном тоне. Все это приводило в бешенство Макрину»²⁰.

Естественно, такая картина не была повсеместной в мелкопоместной среде. Аналогичные «вольности» были в тех имениях, где помещик, а, как правило, вдова-помещица в свое время позволили крепостным перейти грань прежде запрещенного в обращении в свой адрес и эмоциональные перебранки становились обычной формой общения между ними. Крепостные крестьяне в мелких поместьях главной помещицей добродетелью должны были считать умение барина сохранять их личное пространство. В верхних подгруппах мелкопоместных дворян (около 100 дес. или около 20 ревизских душ), где образовательный и общекультурный уровни были значительно выше, чем в нижних стратах помещиков, межличностные отношения господ и их крепостных напоминали аналогичные отношения в более крупных поместьях. Здесь, как правило, отсутствовала вульгарность в обращениях крепостных крестьян, выстроена для всех очевидная социальная дистанция в межличностных отношениях, но крестьяне все равно чувствовали отсутствие особого «барского блеска» в своих хозяевах и реальную возможность перемен в их судьбах, не всегда в лучшую сторону. Е.А. Лабзина, будучи дочерью мелкого помещика, вспоминает свою беседу в детстве с нянечкой, социальным показателем принадлежности к верхним подгруппам мелкого дворянства, где нянечка: «Когда она учила меня вышивать, то говорила: «Учись матушка, может быть, труды твои будут в жизни твоей нужны. Ежели угодно будет Богу тебя испытать бедностью, то ты, зная разные рукоделия, не будешь терпеть нужды и будешь доставать хлеб честным образом и еще будешь веселиться»²¹. Трудно представить подобные наставления о «честном образе» добывания хлеба насущного Фишки к Макрине Емельяновне, или в какой-либо аристократической семье.

Реформа отмены крепостного права не могла в одно мгновение изменить самосознание помещика и его отношение к крестьянину. Последний это хорошо чувствовал. «Иногда кажется – отмечал философ Г.П. Федотов, – что барин и мужик снова начинают понимать друг друга. Но это самообман. Если барин может понять своего раба, то раб ничего не понимает в быту и миру господ. Да и барское понимание ограничено: видят быт, видят психологию, но того, что за бытом и психологией – тысячелетние традиции, религиозный мир крестьянства – «христианство», – еще не чув-

¹⁹ Водовозов Е.Н. На заре жизни. В 2-х т. Т. 1. М., 1987. С. 183.

²⁰ Там же. С. 186-187.

²¹ Лабзина Е.А. Воспоминания. Описание жизни одной благородной женщины// История жизни одной благородной женщины. М., 1996. С. 21.

ствует»²². Два антимира социопсихологического плана в рамках поместий и временнообязанного периода для крестьян, продолжали существовать параллельно. Особенно это отчетливо проявлялось в первые пореформенные десятилетия и в имениях богатых помещиков. Тем не менее, бывшие крепостные крестьяне, осознав свой новый социальный статус – свободной личности, не изменили свое потребительское отношение к помещикам, видя в них не только объект своей земельной обеспеченности, но и источник всевозможный других материальных благ. При этом, из всего спектра сословных категорий землевладельцев, дворяне-помещики для крестьян были наиболее предпочтительными. Известный этнограф О.П. Семенова-Тянь-Шанская подчеркивала: «В глубине души крестьяне, мне кажется, предпочитают землевладельцев из дворян. Вероятно, чувствуют и понимают, что такие землевладельцы к ним человечнее и лучше. «Добрых» помещиков крестьяне, конечно, не прочь поэксплуатировать, не говоря уже о том, что всегда ждут от них подачки.

Иногда придут к какому-нибудь новичку помещику, помнутя у крыльца и, взяв какого-нибудь лекарства, просто-напросто говорят: «А не пожалуете ли чего?» Иногда просто сочинят или присочинят чего-нибудь относительно своей нужды, чтобы получить побольше подачку. Не раз наблюдала я в таких случаях одну помещицу, которая, сознавая отлично наивную подчас ложь, не останавливалась на этом, и жалея какого-нибудь крестьянина, все-таки широко ему помогала. В таком случае ни один «Иван» не может понять, что его ложь видят и только из жалости, не останавливаясь на ней, ему помогают. Всякий «Иван» напротив убежден, что он ловко надул богатого человека. Угрызения совести «Иван» по этому поводу, конечно, не чувствует, так как, по его рассуждению, богатые милосердием своим спасают свою душу...

Помимо всего этого крестьяне, по большей части, насмешливо относятся к помещикам – дворянам, к их хозяйственным способностям; совсем в них не верят.

В купцах же землевладельцах всегда уважают их умение извлечь из земли хорошую выгоду... вместе с тем купцов, конечно, не любят...

Очевидно, существует крестьянское эстетическое представление о барине, как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику»²³.

Семенова-Тянь-Шанская показала довольно сложный социопсихологический механизм пореформенного восприятия крестьянами помещика. С одной стороны, насмешливое отношение к помещику за его неумение хозяйствовать на земле, с другой, – уважение к барскому социальному статусу, хотя считали помещика простаком в житейских вопросах, особенно хозяйственных. Вот поэтому купцов недолюбливали, которые своей рачительностью и хозяйственной хваткой были серьезными конкурентами крестьянам на земле. Помещик же для крестьян был как бы свой, витающий в облаках высоких материй, с которым можно было вести дело, не всегда опираясь на имеющиеся договоренности.

Такое отношение крестьян к себе понимали многие помещики, даже те, кто считал себя социальным партнером первых. Князь Д.И. Шаховской отмечал в своих письмах определенную психологическую пикантность в отношениях с крестьянами: «Разумеется, нет ничего такого, что делало бы невозможными совсем правильные отношения между образованным человеком и крестьянином. И меня крестьяне любят, вероятно, все, хотя, разумеется, и считают большим дураком»²⁴.

Свое равенство с помещиками после отмены крепостного права бывшие крепостные крестьяне понимали весьма своеобразно, например, наделяя себя самовольно судебными функциями по отношению к бывшим барам, если возникал конфликт между последними и крестьянами. Так, крестьяне помещицы Е.В. Янович Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии во главе с волостным старшиной явились к

²² Барина Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008. С. 210.

²³ Шнейдер В.П. Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб., 1908. С.14-16.

²⁴ Шаховской Д.И. Избранные статьи и письма. 1881-1895. М., 2002. С. 153.

ней, чтобы судить ее по жалобе дворовых людей и чтобы ей сделать наставление, сколько она может требовать рабочих дней от них²⁵. С крестьянской точки зрения, оторванность помещика от реальной народной жизни, уже в условиях свободы бывших крепостных, не может способствовать «правильному» выстраиванию отношений первых со вторыми в период временнообязанного состояния. Тем более, крестьянское сознание не было согласно с системой обязательных отработок и других повинностей после получения личной свободы. Все это вызывало в крестьянской среде по отношению к помещику определенную агрессивность и изворотливость, граничащую с откровенной ложью. В целом эти качества у крестьян в определенной степени приветствовались. Семенова–Тян-Шанская, после долгих лет наблюдения за крестьянскими детьми, пришла к выводу: «Сукой» стал называть мать, когда она ему в чем-либо отказывала... Матери очень наивно иногда хвастаются способностями своих совсем малолетних детей: «И какой атаман – ведь сукой уже меня называет»; «атаманить» значить буяннить, затевать какие-нибудь проказы, руководить ими.

...Драться с другими детьми тоже начал, как только стал на ноги. К этому его тоже поощряли, особенно если он одолевал другого младенца... За драку и ложь, за скверные слова его не били... За ложь его не преследовали совсем. Лгал он, разумеется, только из самообороны...»²⁶. Естественно, ложь и агрессивность не являлись самоцелью при воспитании подрастающего поколения. Скорее всего, они рассматривались в качестве житейской хитрости и напористости, при отстаивании своих интересов, без которых, с крестьянской точки зрения, нельзя было выжить при общении с «сильными мира сего». Поэтому, отрабатывая барщину или выполняя еще какие-либо хозяйственные работы, крестьяне, пользуясь частым отсутствием соответствующих навыков и практики у помещиков, при первом удобном случае, выполняли свои обязанности «спустя рукава». При этом у них вызывало раздражение, если помещик пытался вникнуть в суть выполняемых ими работ, считая это не барским делом. С.А. Туник, помещный дворянин Корочанского уезда Курской губернии, вспоминая свою юность, писал: «Я рос в имении и по собственному желанию постепенно обучался всяким работам. Когда мне было семнадцать-восемнадцать лет, я умел делать все, что полагалось делать каждому мужику; и это им было не по нраву. Не раз я подслушивал разговоры обо мне: «Ентот-то растет и во все нос сует, пахать и косить ужо магить. До всего сам доходит. Наукам всяким обучается. Гляди вырастит и через сколько гадов нам на шею сядет. Яво ужо не обманиш». Почти всегда это говорилось очень раздраженным тоном»²⁷. С точки зрения крестьян, хозяйственная дотошность не входила в помещичьи добродетели и противоречила барской статусности. К такому выводу пришел и А.А. Фет, разворачивая свое хозяйство в Степановке Мценского уезда Орловской губернии, где местные крестьяне не раз его «обхитривали», беря авансом деньги за выполнение определенного вида работ и отлынивали от них под разными предложениями²⁸.

У крестьян в пореформенный период также вызывало неприкрытое раздражение попытки мелочной опеки со стороны помещиков, пусть и под благовидными предложениями. В этой связи А.Н. Энгельгардт, с сарказмом, подчеркивал: «Конечно, все эти законы, распоряжения издавались и прежде, потому что забота о мужике всегда составляла и составляет главную печаль для интеллигентных людей. Кто живет для себя? Все для мужика живут!..

Мужик глуп, сам собою устроится не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам

²⁵ Фурсов В.Н. Социальная психология как фактор крестьянской повседневности в пореформенной деревне // Российская империя в исторической ретроспективе. Сборник научных трудов V Международной научной конференции г. Белгород, 28-29 января 2010 г. Белгород-Чернигов, 2010. С.151.

²⁶ Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М., 2010. С. 48-51.

²⁷ Туник С.А. Белогвардеец. Воспоминания о моем прошлом. М., 2010. С. 41.

²⁸ Фет А.А. Жизнь Степановки или лирическое хозяйство. М., 2001. С. 131-135.

весь перемрет»²⁹. Энгельгардт указывает, что помещики пытались занимать по отношению к крестьянству позицию опекуна, граничащую с позицией барина. Социально-экономический антагонизм, различия психологического склада, различные типы сознания, отсутствие общего гражданского права затрудняли взаимопонимание между двумя сословиями, находясь на грани состояния постоянной готовности к конфликту. Эта социопсихологическая особенность крестьянства, в условиях пореформенной личной свободы, опосредовала весьма болезненное восприятие любых проявлений социальной опеки – контроля.

В отдельных случаях, весьма нечастых, помещики непосредственно перенимали хозяйственный опыт у своих крестьян, не стесняясь доходить до всяких мелочей. В большей части это происходило в те моменты, когда вопрос о судьбе имения стоял остро и помещики искали любой выход из сложившейся критической ситуации. При этом опирались на познания не вообще крепкого и хозяйственного крестьянина, а того, кто был доверенным лицом семьи длительное время. А. В. Тыркова – Вильямс, описывает в мемуарах сложный период в их семье – новгородских помещиков, когда безденежье поставило вопрос о возможной продаже имения за долги по кредитам, отец же от отчаянья махнул на дела рукой, а ее мать взяла дела в свои руки, опираясь на знания и опыт своего давнего приказчика. Автор с гордостью подчеркивает: «Мама принялась за новую деятельность так осторожно, терпеливо, точно распутывала запутанный клубок шерсти. Она прежде всего стала учиться у нашего давнего приказчика, Степана Бизеева... Наши поля он знал лучше, чем сам хозяин, любил каждый клынышек, каждый клочок земли... Жена его, Марья Бизеева, была баба умная, степенная, с сознанием своего достоинства... Она научила маму как выпаивать телят, как распознавать их статьи... От Степана шли более сложные соображения, на каком клину пора начинать сев, с какого конца и когда приниматься за покос и жнитво, кого нанять в пастухи, на какие лесные пожни выгонять коров»³⁰. Здесь речь явно идет о социальном партнерстве, построенном на взаимном доверии.

Подводя итог, необходимо отметить, что до отмены крепостного права в крестьянском сознании помещичья добродетель ассоциировалась с разумной требовательностью, понятной и не чрезмерно жестокой системой наказаний, где приоритет отдавался телесным; положительным участием в судьбах крестьян, материальном их обеспечении для достойного, по крестьянским меркам, существования; сохранении их личного пространства, что особенно было важным для крестьян мелких помещиков. В пореформенный период на первое место выходит материальная составляющая, в различных вариациях, начиная от достойной оплаты, заканчивая щедрой подачкой, и отлыниванием от заранее оплаченных работ. Особое раздражение у крестьян вызывала традиционная барская спесь и укоренившаяся привычка мелочной опеки над всеми сферами их жизнедеятельности. Но были отдельные случаи социального партнерства.

TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN PEASANTS` IDEAS ABOUT THE LANDLORDS` VIRTUES IN 1850-1890S

**V.A. SHAPOVALOV
S.P. SHAPOVALOVA**

*Belgorod National Research
University*

e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

The authors make an attempt to reveal, classify and follow the evolution of peasants` ideas about the gentry virtues that had been in transformation in the course of the post-reform period. This allows to find out socio-psychological interactions between the landlords and peasants in the context of the latter`s ideas about social nature of the good and the evil.

Key words: landlord, the peasants, ideas, virtue, social psychology.

²⁹ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1937. С. 320.

³⁰ Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. Париж, 1954. С. 207.